

Н.М. ПОЗНЯК

*ГГУ имени Ф. Скорины
г. Гомель*

СПРЯТАТЬ ГОРОД. СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ГРАНИЦАХ ГОРОДСКОЙ ГЕОГРАФИИ

В настоящей статье рассматривается проблематика соотношения городской среды с поэтической национальной доминантой. Сравнительный анализ топопов Вильнюса и Минска позволяет сделать характерные выводы о роли столицы, переживании ее характера и значимости, а также ее значении для формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: столица, урбанистика, городская среда, поэзия, национальная идентичность

N.M. POZNIAK

*Francisk Skorina Gomel State University
Gomel*

TO HIDE THE CITY. MODERN BELARUSIAN POETRY IN THE BOUNDARIES OF URBAN GEOGRAPHY

In this article, the author analyzes the correlation between urban environment and nation building. Comparative analysis of Vilnius and Minsk topoi allows us to draw important conclusions about the role of the capital, the perception of its nature and importance by its inhabitants, as well as about its relevance for the formation of national identity.

Keywords: capital, urbanism, urban environment, poetry, national identity

Республика Беларусь в современных её границах на карте Европы существует всего 77 лет. Понятно, что Беларусь как культурный конструкт в восточноевропейском регионе имеет более широкие хронологические рамки и в современной белорусской историографии трактуется как опыт многовекового бытования нации на территориально неустойчивом Пограничьи, где сталкиваются две главные ветви христианства, исторически соседствуют многие этносы и культуры.

Геополитическая амбивалентность образа белорусской культуры, мерцание её структурных элементов, принадлежащих одновременно Востоку и Западу, заложили основу для формулирования «белорускости» как идеи независимости и от первого, и от второго, избегания экспансии путем ухода от конфликта на маргиналии. Общим местом для современной беларуси-

стики является также формулирование образа белоруса через параметры «недопроявленности», «недовысказанности», «незаметности». Позволю себе процитировать эссе «Белорус глазами белоруса» литературоведа Петра Васюченки: «На протяжении многих столетий чужаки поднимали пыль на наших дорогах и в спешке не знали и знать ничего не хотели ни про нашу землю, ни про наших людей. Им интересней были те, за кем они гнались и кто их гнал. Для них Беларусь и белорус были всегда прозрачно-придуманскими, тем, сквозь что они проходили без препятствий, как сквозь воздух. [...] Белорусы творят миф наоборот. Прикидываются, что у них ничего нет. Белорусы – хоббиты европейского леса, которые прячутся в тень от самих себя. Они надеются, что эта тень их спрячет. И что эта тень потом поможет им выйти из тени. Потому что им выгодней, чтобы их реальной жизни не замечали» [3; С. 129, 133].

К одному из таких элементов сокрытия в белорусской советской литературе принадлежит урбанистическое пространство. Фактически в советский период существования белорусской литературы оно подвергается замалчиванию как «неопределенная» составляющая национального нарратива.

На страницах произведений крупных послевоенных романистов (И. Шамякин, В. Короткевич, В. Адамчик и мн. др.) практически отсутствуют упоминания о конкретных топосах белорусских городов и их историческом прошлом. Схожим образом город осмысливается в белорусской советской поэзии, где авторы игнорируют присутствие городских реалий в повседневности и идут по пути конструирования природных пейзажей вне города, имеющих философскую и интимную смысловую нагрузку, либо, все же описывая городское пространство, никак не маркируют его топографически. Еще одна возможность заключается в том, чтобы, игнорируя «собственную» территорию, сквозь призму накопленных культурой мифов и стереотипов воспроизводить в своих текстах образ «чужого» города, который, однако, сравнивается с собственным в плоскости советских идеологических стереотипов о превосходстве коммунистического/социалистического образа жизни [10].

Немногочисленные попытки описания собственно белорусских урбанистических реалий в послевоенной белорусской поэзии на этом фоне выглядят неуверенными и схематичными. Как правило, такие произведения насыщены штампами, широко распространенными в литературе первой трети XX в. Фонари, трамваи, электрическое освещение, гул и шум улиц и проспектов, грохот заводов, воспевание радости существования в эру научно-технической революции мигрируют из стихотворения в стихотворение. Это, в свою очередь, дало белорусским литературоведам основания говорить о существовании зоны разрыва в национальной традиции урбанистической лирики [6].

Продолжение осмысления топографически конкретного городского пространства традиционно связывается с приходом в белорусскую литера-

туру в середине 1980-х новой генерации писателей, критически настроенных по отношению к распространенному представлению о Беларуси как «стране без городов» и белорусах как крестьянской нации. Именно по этой причине в «переходный период» (определение М. Тычины [7]) развития белорусской литературы (конец 1980-х – начало 1990-х) проблема самоидентификации белоруса в рамках городского пространства становится предметом интенсивных литературно-критических дискуссий и находит свое отражение в деятельности многих литературно-художественных объединений того времени («Тутэйшыя» / рус. «Здесьние», «Таварыства вольных літаратараў» / рус. «Сообщество свободных литераторов» и др.). В программных текстах их членов можно встретить и обвинения в спекуляциях на своем негородском происхождении, адресованные старшему поколению писателей, и даже предсказания скорой смерти «сельской темы» в литературе. Так, один из идейных вдохновителей «Тутэйшых» С. Дубовец (эссе «Тут», 1989) предсказывает скорое заполнение городского пространства новыми героями: «Горожане во втором поколении будут присваивать город духовно, за что родители не раз упрекнули их в отрыве от национально-этнографических корней» [5; С. 24]. В свою очередь, для идейного вдохновителя «ТВЛ» А. Аркуша развитие литературы в этот период видится в бунте против сосредоточения культурной жизни исключительно в столичном Минске (статья «Регионалы покидают столицу»), постепенном освоении литераторами городского пространства белорусской провинции и рассмотрении Беларуси как конгломерата автономных регионов и городов, каждый из которых обладает своими мифами, достойными воплощения в литературных текстах [1; С. 5].

В современной белорусской поэзии упомянутые выше стратегии освоения городского пространства находят свое продолжение в описаниях белорусских городов, среди которых особое место занимают два полярных городских топоса: «белорусский Вильнюс» (Вильня) и (не)белорусский т.е. не ассоциируемый или почти не ассоциируемый с белорусским национальным проектом Минск.

Привилегирование Вильнюса как топоса белорусской национальной идентичности, некогда входившего в белорусский культурный ареал, а затем выпавшего из него по воле обстоятельств, имеет давнюю историю. Претензии на (виртуальное) присвоение данного городского пространства изначально сопровождают процесс современного нациестроительства, одним из элементов которого является поиск истоков «белорускости» в Великом Княжестве Литовском. Самое позднее в конце 1930-х утрачивая свое место в белорусском литературном каноне, образ Вильнюса как белорусского города, в котором на протяжении столетий уживались многие национальности и обитал целый ряд деятелей, встроенных в современный белорусский культурный пан-

теон (Франциск Скорина, Лев Сапега, Адам Мицкевич, Кастусь Калиновский, Янка Купала и мн. др.), вновь становится едва ли не обязательным элементом поэтических текстов многих белорусских авторов.

Ностальгическое присвоение вильнюсского пространства в современной поэзии колеблется в диапазоне от сожаления по якобы утраченному влиянию белорусской нации на культурные процессы восточноевропейского региона (Вильнюс мыслится как источник и символ этого влияния) до открытых требований вернуть город, ныне входящий в состав Литвы. И в первом, и во втором случае белорусские поэты воспринимают Вильнюс, прежде всего, как город идеализированного прошлого, где преобладают «продкаў кроў і магілы» [15; С. 39] (В. Шнип). Необратимую утрату этого прошлого, о которой свидетельствуют «новыя назвы» на «даўніх мурах» [11; С. 28] (А. Резанов), они символически компенсируют, перенося действие своих стихотворений в пространства «сна», «мроі»; настоящее же видится им неутешительным «часам гаркоты-маркоты» (А. Глобус), временем, которое «мінула» и которое уже «не вернеш» [4; С. 134]. Не в силах восстановить (или установить) фактическую – культурную или политическую – власть над городом в реальности, они реагируют на свое бессилие бесчисленными риторическими вопросами, за которыми скрывается своеобразная претензия на первородство: «Скажы мне Вільня, хто твой сын законны?» [9; С. 98] (А. Минкин). В полном соответствии с канонами интегрального национализма утверждение собственного исторического и культурного превосходства оказывается неотделимо от отнесения к врагам или противникам тех, кто это превосходство оспаривает, теоретически или практически, «оккупировав» «исконные» земли. Так, обвиняя «чужаков» в том, что те вытеснили белорусов с их законных территорий («тут чужынцы спраўляюць паганы распусны банкет» [4; С. 135]), белорусский поэт Адам Глобус причисляет к «чужынцам», в частности, литовцев и евреев, которые «яшчэ жывуць у беларускай Вільні» [4; С. 160] – разумеется, не сегодняшней, реальной, а все той же воображаемой, прошлой, героической. Воображаемый Вильнюс, где «чужынцы» еще не заняли доминирующее положение, мыслится при этом как родной дом, колыбель национальной культуры, даже потерянный рай, в котором теперь можно только умереть: «Скрадзены рай Беларусі» – / Позірк шапіў на паперцы. / Раптам у Вільні прачнуся... / Выбегу ў рай, каб... памерці» [13; С. 90].

Наряду с ностальгической рецепцией Вильнюса, в современной белорусской поэзии отмечается и иная тенденция, основанная на игре с национальным нарративом Вильнюса как сакрального топоса, отсылающего к «мифу об основании» (А. Хаданович, А. Рудак, М. Мартысевич). Такая игра, свойственная более молодым поэтам, зачастую предполагает ироническое обыгрывание мест, традиционно ассоциирующихся с героическим

прошлым Беларуси: кладбища Росса, костела святой Анны, зданий, где находились типография Ф. Скорины, заседавала редакция «Нашей нивы», функционировала Белорусская гимназия, а чаще всего – Острой Браны, единственных сохранившихся городских ворот, декорированных аттиком с гербом Погоня и иконой матери Божьей Остробрамской. Показательным примером применения описанной тактики является стихотворение М. Мартысевич «Як правільна ездзіць у Vilnius». По мнению лирического «я» героини, «правильное» посещение города равносильно избавлению от националистического ресентимента и фантазий о возвращении, от иллюзии реалистичности национального проекта в целом. Симптомом избавления в стихотворении становится последовательное использование вильнюсских топонимов, набранных латиницей и отсылающих как к тем или иным историческим названиям или сооружениям, так и к приметам новой, глобальной, реальности. Это, впрочем, не исключает легкой ностальгии по прошлому, которая материализуется в образе все той же Острой Браны: «Некаторыя кажучь, што ў Vilnius ездзяць не так, / але я ўмею ездзіць у Vilnius абсалютна правільна / [...] памяняць у Parex / сесці ў маршрутку / купіць у Akropolis / сесці ў маршрутку / выйсці на Gedimino / паесці ў Macdonald's / пайсці на Pilies / пайсці на Užupis / замовіць alus / замовіць kurnikas / сказаць асіў / І адно пад канец / прайсці паўз Вострую брану, / хоць гэта і не зусім / па дарозе на stotis» [8; С. 30].

Подобная рецепция Вильнюса в современной белорусской поэзии дает основания рассматривать его как «зону культурного отчуждения», возникшую в связи с травматичной утратой территории и реактуализированную в связи с потребностью заново отстраиваемой белорусской нации в идеальных референтах прошлого. Две описанные выше поколенческие интерпретации «белорусской Вильни» с этой точки зрения можно рассматривать как два модуса переработки исторической травмы, локализованной не только в отдаленном прошлом (1930-е гг. – время фактического отторжения города), но и в прошлом относительно недавнем, биографическом. Для белорусских поэтов старшего и среднего возраста, после 1991 года активно подключившихся к реализации белорусского проекта современного национального государства, а спустя 20 лет вынужденных признать свое поражение, образ Вильни, помимо прочего, символизирует утрату надежды на построение национального государства на территории современной Беларуси – и именно поэтому оказывается особенно болезненным. Для поэтов младшего поколения, ощущающих исчерпанность современной модели нациестроительства, постмодернистская игра с локализованными в Вильне национальными концептами, ставящая под сомнение сам статус Вильнюса как национального мифа, становится еще и способом избавления от чужого опыта и чужой травмы.

Принципиально иначе в современной белорусской поэзии параметрируется городское пространство Минска. В глазах белорусских литераторов всех трех поколений столица Республики Беларусь исходно проигрывает Вильнюсу в плане сохранившихся культурных артефактов, необходимых для выработки национального мифа. Именно поэтому в минской поэтической топографии преобладают не овеянные легендами топосы, а места вполне обыденные: религиозные сооружения, историческая застройка, рынки, проспекты, парки, здание КГБ на центральном проспекте Независимости, спальные микрорайоны. Симптоматично, что даже в тех случаях, когда авторы обращаются к знаковым историческим памятникам – как, например, Красный костел Святых Симеона и Елены на одной из главных площадей, Троицкое предместье, река Немига или Кальварийское кладбище, где захоронены представители белорусской интеллигенции последних двух веков, – такие памятники не превращаются в топосы национальной мифологии, а встраиваются в различные контексты, в которых элементы исторического прошлого, как правило, лишённого героического, идеального ореола, соседствуют с описаниями безрадостного настоящего, и наоборот – сквозь идиллические картины настоящего города проглядывает его неприглядное провинциальное, к тому же далеко не такое древнее прошлое. В отличие от Вильнюса, в поэтических описаниях которого крайне редко фигурируют современные архитектурные сооружения и топосы, картография современного Минска пестрит урбанистическими «экскурсионными» маршрутами по кофейням, пабам, ресторанам (цикл А. Хадановича «Аб кавярнях мінскіх праўда» [14], поэтический сборник «Верхні горад» А. Рудака [12] и др.). Эти места опять-таки не имеют исторической перспективы и «традиции посещения», они не служат местами паломничества, а функционируют как пространства для ведения свободной беседы, нередко перерастающей в алкогольные эксцессы.

Отсутствие в Минске исторического фона, могущего быть использованным как материал для национальной героики, в поэтических произведениях порождает многочисленные образы пустоты («Менск сьвітальны, спавіты ў пялюшкі начы, / Прыме звыкла мяне ў сваё цёплае ўлоньне, / Ды садзьме потым, / пёркай птушынай памчыць / У такое ж пустое няздарнае «сёння» [13; С. 67]. Пустота, в свою очередь, нередко сопрягается с семантикой смерти («Горад Мінск – горад зэт, горад мёртва- і чыгастатычны» [4; С. 164], А. Глобус), страдания («Горад ціхіх пакут»), насилия («Згвалчанай Волі пляц» [2; С. 131], И. Бобков), маркирующей – с точки зрения императива нациестроительства – его, императива, нереализованность и нереализуемость. Житель Минска – по определению человек несчастный, отчужденный от собственного идеального предназначения, неприкаянный: «Ходзіць па Мінску чужой мая доля, / І горад нашчасным і

злосным заве» [16; С. 67] (В. Шнип). Неоформленность Минска в качестве национального центра реализуется в значительной части посвященных ему стихотворений через импрессионистическую размытость описаний. Как правило, белорусская столица обрисовывается во время дождя, в пору зимы или осени, когда очертания зданий и ландшафтов скрадывает туман, а время словно останавливает свой ход и погружает город в сон – в отличие от Вильнюса, без сновидений: «Час не спяшаецца. Можна сказаць, застыў. / Можна сказаць, што часу не стала ўвогуле» [12; С. 78].

Резюмируя, можно утверждать, что дополняющие друг друга образы Минска и Вильнюса наглядно демонстрируют национальную доминанту современной белорусской поэзии, ее нацеленность на построение и легитимацию белорусской нации на основе воспевания прошлого и забвения настоящего – и в то же время нереализуемость современного национального проекта в постмодернистских координатах, архаичность нациестроительства как жестко регламентированной системы героев и мифов в «ситуации Постмодерна». В целом преодолевая парадигму «деревенской нации», белорусские поэты, тем не менее, оказываются не в состоянии заменить ее идеей нации «урбанной», а формулируя замалчиваемое, «спрятанное» прежде историческое измерение городов, выстроили на его основе систему исторических мифов. Симптомом этой неспособности становится фактическое превращение Вильнюса и Минска в две взаимоисключающие столицы, наделенные каждая своей функцией. Вильнюс осмысливается как историческая столица, утраченная навсегда и потому существующая исключительно в координатах национального ресентимента. Минск, напротив, приобретает вид реальной столицы, чья культурная и историческая аморфность, однако, не позволяет ей полноценно исполнять роль консолидирующего центра, выражающего «спрятанную» идентичность белоруса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркуш А. Рэгіяналы пакадаюць сталіцу // Наша ніва. – 24 лютага 1997.
2. Бабкоў І. Герой вайны за прызрыстасць. Мн.: Бібліятэка часопіса «Фрагменты», 1998. 254 с.
3. Васючэнка П.В. Ад тэксту да хранатопа: артыкулы, эсэ, пятрогліфы. – Мн.: Галіяфы, 2009. 200 с.
4. Глобус А. Новае неба. Мн.: Галіяфы, 2010. 192 с.
5. Дубавец С.І. Практыкаванні: проза, эсэ, крытыка. Мн.: Мастацкая літаратура, 1992. 254 с.
6. Кавалёў С. В. Партрэт шкла: літаратурна-крытычныя артыкулы. Мн.: Мастацкая літаратура, 1991. 189 с.
7. Літаратура пераходнага перыяду: тэарэтычныя асновы гісторыка-літаратурнага працэсу / [М. А. Тычына і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут літаратуры імя Я. Купалы. – Мн.: Беларуская навука, 2007. 361 с.
8. Мартысевіч М. Амбулада: вершы свае і чужыя. Мн.: Кнігазбор, 2011. 120 с.
9. Мінкін А. Пэнаты. – Мн.: І.П. Логвінаў, 2007. 144 с.
10. Панчанка П.Е. Нью-Йоркскія малонкі. Мн.: Дзяржвыд БССР, 1960. 77 с.
11. Разанаў А. Рэчаіснасць: Зборнік паэтычнай творчасці. Мн.: БГАКЦ, 1998. 198 с.
12. Рудак А. Верхі горад. Мн.: Кнігазбор, 2014. 86 с.

13. Сус С. Павук: Вершы. Мн.: Галіяфы, 2014. 96 с.
14. Хадановіч А. Бэрлібры: гісторыя ў 4 фільмах. Мн.: І.П. Логвінаў, 2008. 111 с.
15. Шніп В.А. Інквізіцыя: Вершы. – Маладзечна, 2002. 82 с.
16. Шніп В. На рэштках Храма. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1994. 159 с.

TRANSLIT

1. Arkush A. Regiyanaly pakidayuc` stalicu // Nasha niva. – 24 lutaga 1997.
2. Babkou I. Geroy vayny za prazrystas`c`. – Мн.: Biblijateka chasopisa «Fragmentsy», 1998. 254 s.
3. Vasuchenka P.V. Ad tekstu da chranatopa: artikuly, ese, piatroglify. Мн.: Galiyafy, 2009. 200 s.
4. Globus A. Novaye neba. Мн.: Galiyafy, 2010. 192 s.
5. Dubavec S.I. Praktykavanni: proza, ese, krytyka. Мн.: Mastackaya litaratura, 1992. 254 s.
6. Kavalèu S. V. Partret shkla: litarurna-krytychnya artykuly. Мн.: Mastackaja litaratura, 1991. 189 s.
7. Litaratura perachodnaga peryadu: tearetychnyja asnovy gistoryka-litaratumaga pracesu / [M. A. Tychina i insh.]; Nacyyanalnaya akademiya nauk Belarusi, Instytut litaratury imia Ya. Kupaly. Мн.: Belaruskaja navuka, 2007. 361 s.
8. Martysevich M. Ambasada: vershy svae i chuzhyya. Мн.: Knigazbor, 2011. 120 s.
9. Minkin A. Penaty. Мн.: I.P. Logvinau, 2007. 144 s.
10. Panchanka P.E. N`yu-Yorkskiya malunki. Мн.: Dzyarzhvyd BSSR, 1960. 77 s.
11. Razanau A. Rechaisnasc`: Zbornik paetchnay tvorchasci. Мн.: BGAKCZ, 1998. 198 s.
12. Rudak A. Verkhni gorad. Мн.: Knigazbor, 2014. 86 s.
13. Sys S. Pavuk: Vershy. Мн.: Galiyafy, 2014. 96 s.
14. Khadanovich A. Berlibry: gistoryya u 4 fil`max. Мн.: I. P. Logvinau, 2008. 111 s.
15. Shnip V.A. Inkvizicyya: Vershy. – Maladzechna, 2002. 82 s.
16. Shnip V. Na reshtkakh Khrama. Мн.: Mastackaya litaratura, 1994. 159 s.